

Летом 1980-го в школьный музей, расположенный в высокогорном селе Кокоря, зашел археолог Владимир Кубарев. Он рассматривал экспонаты, выставленные на обозрение, привычным взглядом определял хронологию археологических находок, как вдруг... Он не верил своим глазам: перед ним лежала каменная плитка с надписью, совершенно не похожей на памятники древней рунической письменности Алтая. Знаки, оставленные на поверхности камня рукой неизвестного летописца, были на удивление схожи с буквами древнегреческого алфавита...

Прорисовка надписи, данная в статье известного лингвиста, исследователя сибирских древностей В.М. Наделяева (1981), «оказалась неточной и до сегодняшнего дня не переведена». Что хранит загадочная надпись, оставленная в античные времена высоко в Чуйской степи? Если древние греки во времена Пазырыка, действительно, бывали в горах Алтая, то какая неведомая сила увлекла их в далёкие края?

В книге Николая Новгородова «Сибирский поход Александра Македонского», выдержавшей уже несколько изданий, впервые обнародована сенсационная версия, на которую прямо указывает название книги. Возвращение Александра Великого из последнего похода на Восток до сих пор вызывает много вопросов, и неясно, где же в действительности блуждало его войско, и как могло случиться, что на просторах Азии он растерял почти всё своё 120-тысячное войско. Обращаясь к трудам античных историков, к находкам современных археологов, к литературным памятникам разных народов, Н. Новгородов воссоздаёт новую реальность, в которую трудно поверить – но факты на его стороне.

Курций Руф приводит сведения о том, что Александр упорно скрывал сведения о своих поражениях. Отряд Менедема, посланного Александром против

предводителя скифов Спитамена, попал в засаду и был наголову разгромлен, лишь немногим удалось спастись. «Пало в этом сражении 2000 пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся». И как знать, может, изначально сокрытие Александром своих поражений послужило причиной путаницы в его перемещениях по Скифии и Индии? Александр так и не смог победить ни скифов, ни индийцев, утверждает Н. Новгородов, и повелел Эвмену и Диодоту «врать» о победах (английское слово write /писать/ читается по-русски «врать»).

Лучшей отечественной работой о Восточном походе Александра он считает монографию академика Б. Гафурова, написанную им в содружестве с греческим профессором Д. Цибукидисом. Авторы оценивают Александра Вели-

кого как жестокого завоевателя, который, однако, так и не смог преодолеть скифского и согдийского сопротивления. Аргументированность авторов основывается на выверенных ссылках. Авторы отметили «живучесть» Клита, замеченного у одних историков в боях на Инде, а у других погибшего на пиру в Самарканде – но и они не сделали никаких выводов из явной несурзаицы.

Внутренняя противоречивость «исторической версии» ведет к тому, что вместе с путаницей в событиях у историков перепутаны реки, впадающие друг в друга. У того же Арриана можно прочесть, что Акесин впадает в Инд, что Акесин самый большой приток Гидаспа, что Гидасп впадает в Акесин, что Гидасп двумя устьями впадает в Великое море. У Курция Руфа Акесин сливается с Гидаспом и впадает в Инд, но у него же «Ганг перехватывает дорогу Акесина к морю и создает в месте его впадения неудобное устье с водоворотами». Юстин пишет, что Александр по Акесину доплыл до Океана, проплыл вдоль берега и вошел в устье Инда. Если верить Арриану, Александр приблизился к Инду... с востока. Понятно, что на такой географии восстановить подлинный маршрут Александра совершенно невозможно.

Игнорируя античных летописцев, ученые уверены: дескать, не мог знаменитый полководец проиграть в битве против кочевников-скифов. Хотя о его походе на Восток весьма правдиво написал древний историк Арриан. В его манускрипте прямо указывается: «Скифы остановили поход Александра Македонского».

В Самарканде великий полководец оставил двухтысячный гарнизон, а сам с основными силами отступил на юг. Как пишет Арриан, предводитель скифов Спитамен выманил эллинский отряд для боя на открытом пространстве, инсценировав отступление. Когда двухтысячный отряд македонцев вышел из стен Самарканды, то был целиком уничтожен; но в этой яростной схватке погиб сам Спитамен, у принесенного в жертву греческого гарнизона была только одна задача – обезглавить войско номадов и погибнуть. «Несмотря на то что скифский поход Александра был неудачным, он завоевал авторитет в глазах номадов и мог спокойно отправляться в поход на Индию». Так пишут до сих пор.

Но был ли поход на Индию?

«Вечная мгла покрывает небо, и день столь уподобляется ночи, что едва можно различить ближайшие предметы.

Войско, заведённое в сии пространные пустыни, где совершенно не было никакой человеческой помощи, претерпевало все бедствия: голод, стужа, чрезмерная усталость и отчаяние овладело всеми. Множество погибли в непроходимых снегах, во время страшных морозов множество ознобило ноги.

И лишились зрения; другие удрученные усталостью упали на лёд, и, оставшись без движения, от морозу цепенели, и после уже не могли подняться...»

Так описывал кошмары Индийского похода великого полководца историк Квинт Курций Руф. И долгие годы считалось, что это относится к переходу великого пол-

ководца через какую-то горную страну.

Ещё при жизни соратников Александра – Птолемея и Аристобула и одновременно с написанием ими своих мемуаров – в Александрии появился труд Клитарха «Об Александре» в 12-ти книгах. Слабым местом этой работы Н.Новгородов называет то, что Клитарх не был непосредственным участником похода. Но достоинство его книги видит в том, что она суммировала устные рассказы ветеранов.

Десятки тысяч участников похода принесли в Александрию, Грецию и Македонию знания о восточных странах, в которых они побывали. Их рассказы несли мало информации о диспозиции войск, но подробно характеризовали климат, топографию, особенности жилищ и быта восточных народов. Именно в рассказах ветеранов ярко характеризовались... лютые морозы и глубокие снега на реке Инд, отсутствие дневного света в «Стране Мрака» и бесконечные трудности войны с народом, который греки называли *спорами* или *порами*. Именно устные рассказы лежат в основе поэтической традиции, противостоящей позиции историков.

Покончив с делами в Персиде, Александр объявил себя преемником Дария. Шло лето 330 года до н.э. Гибель Дария считается важнейшим рубежом в Восточном походе Александра. Казалось бы, Персия разгромлена, Дария нет, македонянам принадлежит вся цивилизованная земля, за исключением окраин. Цель, которую ставил Филипп перед Персидской

войной, достигнута. Войско подустало на чужбине, можно и по домам, нагрузившись награбленным золотом. Но нет!

Александр, рискуя столкнуться с неодобрением своих действий войсковым собранием, продолжает двигаться на восток, в земли скифов. Недовольство воинов медленно, но неуклонно увеличивается, пока не перерастает в неприкрытый протест, приведший к возврату с полпути.

Но есть ещё один аспект Восточного похода «после Дария», настаивает Н.Новгородов и выдвигает собственную, вполне обоснованную версию.

Если до этого рубежа поход восстанавливается безупречно и по срокам, и по географическим пунктам, то «после Дария» нарастает географическая и историческая неразбериха. Эта неразбериха представляет собой главную загадку Восточного похода Александра. Её разгадка, вероятно, в том, что непобедимый Александр «после Дария» всё же потерпел сокрушительное поражение, но скрыл его, и обратил свой несмысленный позор в ничем не обеспеченную славу. Для этого ему пришлось принудить летописцев описать завершающую часть похода так, как ему было нужно.

Из описания исчезло всё, что свидетельствовало о его поражении. В результате гигантских сокращений в тексте возникли огромные пробелы, острейшие противоречия, вопиющая непоследовательность. Античные авторы не смогли преодолеть этих противоречий, перенесли их в свои книги. В этом, по мнению Н.Новгородова, причина несоответствий между

исторической и поэтической традициями в освещении «индийской части» похода Александра. Из описания похода исчезли высокие широты, страна Мрака, Северный Ледовитый океан, война с русами, даже кыпчакские степи.

Между тем, в поэтической традиции, опирающейся на народную память и правду жизни, всё это сохранилось, но до сих пор не признается учёными как реальность. О Восточном походе Александра писали персидский и таджикский поэт Фирдоуси (X-XI вв.) в поэме «Шах-намэ», азербайджанский поэт Низами Гянджеви (кон. XII в.) в поэме «Искендер-наме», Дехлави, узбекский поэт Алишер Навои (XV в.) в поэме «Искандерова стена», таджикский поэт Абдурахман Джамии (1414-1492) в цикле поэм «Семь корон».

Русская «Александрия» повествует о встрече Александра с русским царём Кинталом и его матерью Клеопидой Марсидонской, о походе в страну Мрака, о войне с гогами и магогами и заточении их в горах, о выходе в Океан и достижении Макарийских островов, населённых блаженными людьми – рахманами, а также о его вознесении на небо. Кстати, сюжет вознесения Александра на небо крылатыми львами или орлами нередко встречается на древнерусских храмах и средневековых изделиях.

Внимательное изучение обеих традиций позволяет Н. Новгороду утверждать, что поэтическая версия гораздо ближе к истине, чем версия ученых историков. Более того, в античных источниках, на которые опираются историки, есть подтверждения всем

«измышлениям» поэтов: и о кыпчакской степи, и о войне с руссами, и о посещении страны мрака, и о многих других удивительных вещах.

Согласно Восточной традиции, Александр в конце маршрута вышел в море и посетил Гиперборею. В «Романе об Александре Македонском» по русской рукописи XV века, называемой «Сербской Александрией», об этом говорится совершенно однозначно: «И покидая их, спросил: «Что впереди находится?» Они ответили: «Ничего иного, кроме Макарийских островов в океан-море, где люди блаженные живут, которые называются наго-мудрецами, так как совлекли с себя все страсти». «И дошли до Океана-реки, и увидели острова блаженных, которые отстояли от берега на двадцать поприщ...»

В античной традиции считается, что он дошёл до земли индов, живущих по соседству с арахотами. И далее совершенно меланхолически Арриан добавляет: «Войско истомилось, проходя по этим землям: лежал глубокий снег и не хватало еды». Н.Новгородов напоминает: это была зима 330/329 гг. до н.э. Согласно общепризнанной версии истории Александра, до похода на Индию оставалось ещё два года. И Арриан в последующем тексте допускает, что Александр на реке Инд ещё не был. Но где же он был в таком случае зимой с 330-го на 329-й год?

Когда войско Александра, находясь «на Гифасисе», отказалось идти вглубь Индии за Ганг, в ответ на уговоры Александра двигаться дальше выступил старый воин

Кен и, посомневавшись в том, что войско находится в Индии, сказал, что *на юге, на берегу Океана есть другая Индия*. Так писал Квинт Курций Руф.

В Индии, в которой «воевал» бесстрашный Александр, наблюдались нехарактерные для субтропической Индии суровые зимы с сильными морозами и глубокими снегами. В зиму 330-329 гг. до н.э. его войско пересекало гигантскую заснеженную равнину, где многие ослепли от сверкающих снегов. К весне армия вышла на Инд, здесь лежали глубокие снега. Вот как описывал этот поход Диодор:

«В этом году Александр выступил против парапамисадов. Страна их лежит на крайнем севере, вся завалена снегом и недоступна для других народов по причине чрезвычайных холодов. <...> Страна не имеет вида обработанной и засаженной: она лежит в сверкающей белизне снегов и застывшего льда. Не присядет птица, не перебежит через дорогу зверь: всё неприветливо и неприступно в этой стране».

Н. Новгородов считает, что такое детальное описание страданий от холода невозможно искусственно придумать. И уж, конечно, такие морозы немыслимы в субтропиках на Индостанском полуострове. Историки полагают, что это бедствие случилось в горах, на перевале, но Диодор утверждает, что большая часть страны парапамисадов представляет собой «безлесную равнину, покрытую деревьями...»

«Скоро царь покорил всех местных жителей», – повествуя об этом ледовом походе, Арриан пишет, что «он подчинил себе по пути дрангов и гадросов. Подчинил

он и арахотов, сатрапом же у них поставил Миноса. Он дошёл до земли индов, живущих по соседству с арахотами. Войско истомилось, проходя по этим землям: лежал глубокий снег, и не хватало еды». Из этого текста совершенно ясным становится то, что Александр пересекал равнину, а вовсе не горное плато.

Александрова Индия располагалась в стране Мрака. Когда Александр звал своих воинов к океану, находясь на Инде близ устья Гидраота, солдаты отвечали ему: «Какую выгоду мы получим от новых побед? Землю, покрытую вечным мраком и туманами и моря, полные страшилищ!» В античных хрониках солдаты ропщут, «их ведут за пределы звезд и солнца, заставляют проникать в места, самой природой скрытые от глаз человеческих. Появляются всё новые враги с новым оружием. Если они их даже рассеют, какая их ожидает награда? – Мрак, туман, вечная ночь, опустившаяся на бездонное море, полное чудовищ, неподвижные воды, в которых природа не в силах поддерживать жизнь».

До сих пор стоит особняком простой вопрос: дошёл ли Александр до реки Ганг? Описания такого «пустяка» нет ни в исторической, ни в поэтической версии похода. Между тем, в 35-м параграфе «Географии» Страбона (Книга XV), изданной М. Боднарским в 1953 году, упоминается письмо Кратера к его матери Аристократе, где говорится, что Александр все-таки дошёл до реки Ганг, причём автор письма утверждает, что он сам видел эту реку и даже... китов в ней. Страбон подчеркивает, что

ни один из ветеранов похода, опубликовавших свои воспоминания, не рассказывает об этом событии. Тем самым Страбон подчеркивает представляющуюся ему несомненной лживость письма Кратера.

Но так ли это?

Диодор писал, рассказывая о восточном походе Александра, что дерево высотой 70 локтей отбрасывало тень на три плефра. При размерности локтя 0,45 м и плефра 28,7 м тангенс равен 0,354, и сам угол составляет 19,5 градусов. Н.Новгородов высчитал: широта составляет 47 градусов. Если же измерение делалось в любое другое время года, оно делалось еще севернее. Если, скажем, в равноденствие, то на широте 70 градусов; а в летнее солнцестояние даже на полюсе солнце не опускается ниже 23 градусов.

Если верить тригонометрии и небесной механике, армия Александра в это время находилась на 15 градусов севернее Индии. Это более 1600 км. Половину второго измерения привел Страбон. Он не указал высоту дерева, зато длина тени оказалась равной пяти стадиям (925 м). Если измерение делалось в Индии зимой, высота дерева должна быть... более шестисот метров. Таких деревьев на Земле нет. При нормальной высоте деревьев, это измерение делалось в Приполярье на широте 64 градуса при высоте солнца над горизонтом 2 градуса.

В ответ на саркастические замечания, не ведет ли Н. Новгородов к тому, что как и в случае с Колумбом (который ехал открывать Индию, а открыл Америку), в античных первоисточни-

ках «Индией» называлась просто неизвестная современникам Македонского страна? – он даёт ясный, исчерпывающий ответ. Известный английский востоковед Макс Мюллер (1823–1900) подчеркивал, что все неизвестные страны в старину назывались Индиями. На карте Сибири Клавдия Птолемея *India Superior* расположена на берегу Северного ледовитого океана. А на историко-этнографической карте Сибирского митрополита Корнелия, составленной в Тобольске в 1673 году, в междуречье Пура и Оби помещена Индийская Самоядь.

Скифским океаном у несравненного географа Средневековья Герарда Меркатора называлась акватория Карского моря. Плиний в свое время утверждал, что берега Скифского океана были обследованы силами македонян при Селевке Никаторе (не позднее 279 г. до н.э.). Кстати, этот Селевк присвоил себе имя Никатора в результате победы над индийским царем, которого не смог раньше одолеть сам Александр Великий.

В одном из своих манускриптов Леонардо да Винчи рассматривал путь в Индию через Дон и Каспий. В свою очередь, римский гуманист Юлий Помпоний Лэт, побывавший в Скифии в устье реки Дон, сближал Индию со Скифией и отождествлял Сибирь с *Верхней Индией*.

Достаточно взглянуть на карту Индостана, чтобы увидеть, как далеко друг от друга расположены устья рек Инд и Ганг. К тому же в античных источниках относительно похода Александра говорилось однозначно, что *из устья реки Инд он отправился, имея*

океан слева. Кроме того, Страбон опирался, скорее всего, на того из спутников Александра, на кого опирался и Арриан, то есть Кратер ведь был отправлен с реки Инд в Македонию и не мог быть спутником Александра, даже если того каким-то волшебным ветром занесло бы в устье реки Ганг.

На самом деле, если верить Руфу, Александр, зимую в устье реки Инд (Обь), сжёг корабли, в результате пешим порядком отправился в путь, имея океан слева, и вскоре прибыл в устье реки Енисей, который считал... рекой Ганг. Размеры Енисейской губы столь велики, что Страбон, никогда не видевший такого, и даже не слышавший о таком, засомневался. А то, что в Енисейский залив часто заходят не только касатки, но и киты, так это все знают, кроме Страбона. Недавно кит, пуская фонтаны и позируя видеокамерам, заплыл в Енисей аж на четыреста километров.

Не менее интересен вопрос: в западном или восточном направлении от Кофы воевал Александр, решительно повернув к Индии? Ведь если река Кофа – это река Кабул, как считают историки, то идти от Кабула на запад и стремиться при этом в Индию – чистейшая нелепица.

При этом следует заметить, что переходить горы с севера на юг, оставляя Индию справа, можно только в том случае, *если речь идет о другой Индии*, расположенной вовсе не на Индостанском полуострове. Такое описание вполне применимо к Индии в верховьях Оби, если горы Паропамис – это Саяно-Алтай, который Александр переходил с севера на юг по так

называемой «дороге Чингисхана», пересекающей Западный Саян по левому берегу Енисея.

Русский путешественник Г. Грумм-Гржимайло называл древнюю дорогу «несокрушимым временем шоссе». «Эта дорога, – писал в свою очередь С. Минцлов, – должна быть той самой, о которой говорит Геродот, называя её великим скифским путём, начинающимся от Ольвии и ведущим к подножию снеговых гор (Алтай)».

«Дорога Чингисхана» пересекает горный хребет Западный Саян по левому берегу реки Енисей и представляет собой мощёную диким камнем кочевую тропу. Тем не менее, эта дорога была известна древним китайцам и называлась ими «*дорогой цянов*». В китайских текстах сообщается, что во второй половине I тыс. до н.э. цянские племена кочевников передвигались на юг по так называемому Западному меридиональному пути, соединяющему Южную Сибирь, Центральную Азию и северо-западные районы Китая. Древние китайцы называли этот путь «*дорогой цянов*», по нему же в античные времена двигались на юг под натиском гуннов «*малые юэчжи*», тогда как основная их часть (т.н. «*большие юэчжи*») ушла в Бактрию.

Кофа в таком случае – это Катунь, а народ кафаи, проживающий согласно античным авторам к западу от Кофы – это проживавшие на Алтае каракатаи.

В самом первом приближении Александр с реки Урал зимой 330/329 года продвинулся южно-сибирскими степями до реки Обь, принятой им за Инд. На берегах

лежал глубокий снег. Лето и осень 329 года он воевал с местным народом, постепенно продвигаясь на восток. Зазимовал он на юге Минусинской котловины в предгорьях Западного Саяна. Весной его армия перешла Западный Саян с севера на юг по так называемой «дороге Чингисхана, «имея Индию справа» и направилось на отдых в Самарканд, откуда весной 327 года вновь двинулась в «Индию»...

Встречались на его пути катая, греки называли этот народ кафаями. На карте И.Гондиуса (1606) Черная Катайя показана к западу от Телецкого озера. Здесь протекает река Катунь, видимо, именно ее греки называли рекой Кофен (чередование т/ф в русском и греческом общеизвестно).

Случайно ли, что рыбак Петр Канаев в конце 50-х годов XX века именно на Катунь нашел бронзовую статуэтку Геракла? Специалисты отнесли ее к IV веку до н.э. «Придется поработать на Катунь», – соглашается Н.Новгородов.

Важнейшим доказательством того, что Александрова Индия располагалась в Сибири, можно считать зимовку македонцев в устье Инда (Оби). Квинт Курций Руф сообщает, что в устье Инда Александр едва дождался весны, спасаясь от лютой стужи, сжёг корабли. В русском издании Руфа 1819 года перевод с латыни вполне однозначен: «Наконец, большие холода уменьшились». По-видимому, учёному историку в конце XX века было уже очевидно, что никакие морозы в устье Инда на субтропической широте 20 градусов немыслимы. Поэтому перевод этого абзаца подретуширован: «Когда смягчилась зима, он сжёг

корабли, оказавшиеся излишними, и повёл свои войска по суше. Девятью переходами он прибыл в страну арабитов, оттуда за столько же времени в область кедрозиев».

Историки обходят молчанием это загадочное сожжение «лишних» кораблей, несмотря на то, что оно было совершенно неоправданным. Флот был нужен Александру для дальнейших походов.

Восстанавливая сибирский маршрут Александра, Н. Новгородов предполагает, что с реки Яика в зиму 330-329 гг. он пересёк всю Западно-Сибирскую равнину с запада на восток и именно поэтому не имел трудностей в преодолении рек. Зато сильно страдал от сибирских холодов и снегов, что и отражено Диодором и Курцием Руфом при описании перехода по заснеженной равнине. При этом он прошёл через следующие земли: Дрангиана, Арахозия, Арианна, Гедросия и вышел на Инд.

Какие же народы распознаются в числе упоминаемых в приведённом тексте? Прежде всего, дранги подозрительно напоминают скифов, только на немецкий лад. Если скифы (скиты) – это скитальцы по-русски, то дранги – это, похоже, скитальцы по-немецки. Ко времени Александрова похода Западную Сибирь заполонила последняя волна выходцев из Таймырской Прародины – германская. Перейдя Васюганье, предки германцев заселили южно-сибирские степи. Позднее их называли кимаками и кипчаками, русские – половцами («рыжими»). Герберштейн же писал, что русские считают половцев готами, только Герберштейну не хотелось в это верить.

Но для чего же Александру

понадобилось идти в Сибирь, если он стремился в Индию? Ответ в том, что Индией в те времена называлась Западносибирская земля. Объяснением тому, что сибирское Приобье называлось в древности Индией, служит Метаистория – так известный исследователь древнего мира **В. Щербаков** назвал историю закономерных миграций народов. Исходя из концепции Таймырской Прародины, рассмотренной Н. Новгородовым в монографии «Сибирская Прародина», переселяющиеся из Прародины на юг протонароды, вынужденно останавливались в лесостепной зоне Южной Сибири, создавая здесь вторичный очаг этногенеза.

По новейшим гипотезам, именно отсюда, с берегов Оби, в 1770 г до н.э. отправились в Индостан древние индоарии. До ухода на юг реку Обь они именовали Индом, а окрестную землю – Индией. И, таким образом, древнее название сохранилось «до Александра». Именно эта сибирская Индия (Индоскифия) неудержимо влекла Александра, и он с Яика пошёл на Обь (Инд).

Пребывание Александра в сибирской Индии объясняет все географические и климатические несуразности его похода: и то, что «его» Индия не имеет формы треугольника, и то, что горы в «его» Индии расположены на юге, а реки текут на север; и то, что, находясь на реке Инд, его войско страдало от лютых морозов и глубоких снегов, и, наконец, то, что в устье реки Инд Александр был в стране Мрака, то есть за Полярным кругом.

В областях бывшего проживания индоариев в Сибири сохранилось

много «индийских» гидронимов. Это всем известная Индигирка (индусы до сих пор называют горы «гири», например Нилгири – «Голубые горы»). Кроме того, на самом севере Красноярского края в Пясино впадает река Тарей, переименованная тюрками Дарья (у индоиранцев «река, море»). Здесь же в Горном Таймыре много рек с формантом «тари»: Нюнькаракутари, Малахайтари, Боруситари, Аятари, Дяба-катари, Сюдавейтари и т.д. С берегов Ледовитого океана индоарии переселились на берега Оби, и здесь также остались их гидронимы. Например, в сотне километров севернее Томска в Обь справа впадает полдюжины речек с названием Чангара.

Таким образом, индийских топонимов в Сибири не занимать, и размещение Индии в Сибири во времена Александра вполне допустимо.

Двигаясь с Таймыра на юг, и более или менее долго проживая в разных местностях по мере передвижения, инды, трассируя этот путь, оставляли свои топонимы. Но перед броском на Индостанский полуостров индоарии долгое время жили на юге Западной Сибири, занимая огромную территорию, называвшуюся в то время Индией.

Согласно поэтической традиции, где-то здесь же возле страны родников, Александр посетил «страну Китай». И не странно ли, что на средневековых западноевропейских картах Китай показан в верховьях Оби, в районе Золотого (Телецкого) озера, а столица этого царства под названием Камбалык располагалась на правом берегу верхнего течения реки Обь. **Мар-**

ко Поло, проживший в этом городе семнадцать лет, подчеркивал, что Камбалык стоял на северо-западном «берегу» угольного бассейна, надо думать – нынешнего Кузбасса.

Перейдя Обь (Инд), Александр вынужден был свой флот на реке Обь (Инд) разобрать и на телегах перевезти на Иртыш (Гидасп). Перевозить флот на телегах можно было только по ровной местности, но никак не по отрогам Гималаев. Между Индом и Гидаспом Александр посетил город Таксилу. Этот город был создан древней цивилизацией, поразившей завоевателей своим величием.

По реке Гидасп (Иртыш) Александр спустился до устья реки Акезин (Ишим), где жили сибя, затем до впадения реки Гидасп в Инд (Обь) и по реке Инд (Обь) до устья этой реки. Здесь он обнаружил индоскифов и янтарь, увидел замёрзшее («свернувшееся») море, познакомился с полярной ночью и оставил колокол и оружие. Не исключено, что и легенды о «Золотой бабе» обусловлены былым пребыванием здесь Александра Македонского.

Писал о выходе Александра к Океану и Диодор. Совершая жертвоприношения богам, он разбросал в море много драгоценных сосудов, поставил алтари Фетиде и Океану, и решил закончить предпринятый поход. И здесь Диодор упоминает посещение Александром города, название которого играет ключевую роль в разгадке конечной цели Восточного похода Александра. Диодор пишет: «Повернув оттуда назад, он подошёл по реке к знаменитому городу Тавале, политическое

устройство которого напоминало Спарту: тут было два наследственных царя из двух родов, которые ведали всеми военными делами; верховная власть принадлежала старейшинам».

Увиденный Александром город Тавала располагался в устье реки, впадавшей в Северный Ледовитый океан. В этой связи большое удивление вызывает современный порт Товопогол, расположенный на речном острове в устье реки Обь. Лингвисты считают, что совпадение согласных может свидетельствовать о родственности топонимов (Товопогол соответствует Тавале). На основании этого В.Н. Дёмин считал возможным отождествлять топонимы Тавала и Туле.

Н. Новгородов полагает, что отождествление Тавалы и Тулы могло случиться еще в глубочайшей древности благодаря тому, что управление в Тавале осуществлялось Советом старейшин, называвшимся у хеттов Тулия. Согласно Эратосфену, *остров Туле лежал на широте Полярного круга*, и на этой же широте... располагается порт Товопогол на острове в устье реки Обь. Случайно ли такое совпадение?

Более того, В.Н. Дёмин, более всех соотечественников изучавший гиперборейскую проблему в последние годы, считал, что Фувала суть гиперборейская Тула (Фуле). Правда, античные классики писали, что Фула располагается на острове в океане, а не в устье реки. Но ведь и на островах бывают реки, а у них устья. Таким образом, мы видим, что и в исторических источниках есть косвенное подтверждение тому, что *Александр достиг Прародины*.

Говоря о древних сибиряках, следует кроме того отметить их рост. Арриан пишет, что инды «очень высоки ростом: многие в пять локтей или чуть пониже (в Азии это самые высокие люди)». Если считать по размерности древнерусского локтя 38-46 см, или римского локтя – 44 см, то рост индов составлял 190-230 см. Высота индийского царя Пора оказалась ещё больше. «Александр, узнав, что Пор идёт к нему, выехал с несколькими «друзьями» ему навстречу.

Остановив лошадь, он с изумлением смотрел на Пора, дивясь и на его рост (в нем было больше 5 локтей), и на его красоту, и на то, что, по-видимому, тот не чувствовал себя приниженным: он подошёл к Александру как герой к герою, как царь, доблестно сражавшийся за свое царство с другим царём».

Плутарх уточняет: «Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщают, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению, Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне». По Плутарху рост Пора достигал 220 см, поскольку греки подразумевали размерность локтя в 50 см.

Разумеется, подобная высокорослость мало соответствует росту индусов, населяющих Индостанский полуостров. Индусы относятся к низкорослой австралоидной расе. Зато на Алтае археологи раскапывают могильные курганы скифов, обладавших очень высоким ростом. Сам Александр, как писал Курций Руф, отзывался о скифах, живущих за Танаисом, что они «столь сильны и рослы, что

малютки македоняне и по плечо им не будут».

Наконец, в «Индии» Александру постоянно попадались сибиряки. У античных авторов они названы... *сибами*. Диодор пишет, что они напомнили Александру об этническом родстве с ним.

Другие названы сабараками, а один из местных царей, назначенный Александром сатрапом у арахозиев, имел имя *Сибиртий*.

Сабараки, если их, как этого царя, оглоссовать через «и», сразу станут сибиряками. Сибы, заявившие Александру об этническом родстве с ним, надо полагать, были славянами, учитывая, что ранний македонский язык был славянским.

Курций Руф несколько иначе характеризует этническую принадлежность сибов. «Затем вступили в страну, где Гидасп сливается с рекой Акесин (*Ишим впадает в Иртыш – уточняет Н. Новгородов*). Отсюда он течет в пределы сибов. Они считают своими предками спутников Геркулеса, оставших по болезни и нашедших место жительства, которое они теперь занимают. Шкуры зверей служили им одеждой, дубины – оружием; даже после того, как греческие обычаи вышли у них из обыкновения, много от них сохранилось пережитков».

Арриан, Плутарх и Курций Руф подчеркивают одну замечательную особенность социального устройства сибиряков: многие народы – такие, как сибы, сабараки и гадросы – имели демократическое самоуправление. У них не было царей, и все важнейшие решения они принимали на общем собрании. Так, гадросы на общем

вече постановили, по-видимому, не добывать Александра, а помочь ему в его бедствии.

Курций Руф подает этот момент крайне деликатно по отношению к Александру: «Девятью переходами он прибыл в страну арабитов, оттуда за столько же времени в область кедрозиев. Этот свободный народ, проведя всеобщую сходку, сдался ему; со сдавшихся он не потребовал ничего, кроме продовольствия».

На самом же деле ни о какой сдаче Александру со стороны кедрозиев не может быть и речи. Этот великодушный народ на общем собрании решил не добывать этнических родственников, заведенных на край света безумным царем, а накормил и отпустил несчастных восвояси.

В Несторовой летописи под 1096 годом содержится известный рассказ новгородца **Горяты Роговича**, пославшего своего отрока в Печору, а оттуда в Югру. Югра же поведала отроку о том, что в горах, заходящих лукою в Ледовитое море, просечено оконце, откуда некие люди, чей язык непонятен, просят железные изделия, ножи, секиры, и дают вместо них меха. Далее летописец разъясняет, что подземные жители из рассказа Горяты Роговича – это суть люди, заклёпанные Александром Македонским, и сослался при этом на труд Мефодия Патарского «О последних временах и о страшном суде». Этого летописного сообщения Н. Новгородову вполне достаточно для утверждения того, что Александр Великий бывал на берегах Северного Ледовитого океана, на территории современной России, если бы не удивительное чужебесие, поразившее нашу исто-

рическую науку: «Наши историки верят всем: немцам, грекам, персам, только не нашим летописцам, а между тем монахи, составляющие летописи в XII в., были наиболее грамотными людьми тогдашней Руси».

Первое литературное описание Сибири появилось в 440 году до н.э. Именно в это время Геродот опубликовал свою «Историю», где в четвертой книге описал историю путешествия поэта Аристея, сына Каистробия из Проконнеса, к нам в Сибирь. Он был первым человеком, пытавшимся добраться до Гипербореи в далеком VII веке до н.э. Цели своей он не достиг, но богатые путевые впечатления изложил в поэме «Аримаспейя», на которую как раз и ссылался отец истории Геродот, описывая торговый путь из грек в Гиперборею.

Греки считали жителей далёкой арктической страны близкими себе и по культуре, и по крови. Гипербореи «имеют свой собственный язык, но к эллинам очень близки, и особенно к афинянам и делосцам, с древнейших времен поддерживая это расположение». Так писал Диодор. Получается, что греки и гипербореи – не просто дружественные народы, но и народы, родственные по языку.

Значит, когда-то они были одним народом? Но как и когда произошло их разъединение?

Так или иначе, Александр, несомненно, был наслышан о Гиперборее. Возможно, у него были старинные географические карты, ведь его сопровождали учёные греки, хорошо знавшие географию того времени. Поэтому перемещения Александра были столь стре-

мительны. Он шёл известными дорогами.

По времени сибирский поход Македонского совпадает с путешествием Пифея в 330 году до н.э. в загадочную страну скифов. Его всегда интересовали неведомые области за Рипейскими горами, как тогда именовали Урал.

У слияния Волги и Камы, как свидетельствуют археологические раскопки, еще в 1000 году до н.э. находился крупный торговый и культурный центр «восточнорусского бронзового века». По реке Каме купцы поднимались к перевалу через Рипейские (Уральские) горы у современного Екатеринбурга и выходили в район реки Исети, где жили Геродотовы исседоны. Об этом древнем торговом пути, ведущем к исседонам в Сибирь и далее – на Алтай, Прибайкалье и Центральную Азию, – как раз и упоминали греческие путешественники, современники алтайских скифов.

Судя по всему, греческие торговые связи с Уралом получили свое развитие в эпоху морских контактов с Причерноморьем, задолго до появления первых колонистов на берегах Понта Эвксинского. Можно предположить, что этот древний торговый путь возник в эпоху бронзы или даже еще раньше – его можно связать с древним нефритовым путем из Прибайкалья в Прикамье, растянувшимся на пять тысяч километров. В бронзовом веке изделия из алтайских металлов по этому же пути доходили до южнорусских степей. А уже после исчезновения греческих колоний в Причерноморье он по-прежнему жил в период расцвета византийской и арабской торговли, играя

такую же важную роль, как и в древности.

Эрих Раквитц в книге «Чужеземные тропы, незнакомые моря» дал собственное прочтение трудов Геродота: «На востоке его взор проникает вплоть до Каспийского моря и даже до Сибири, он рассказывает (хотя чаще всего это фантастические небылицы) о бойком торговом пути, пролежавшем от Черного моря на север через Дон и Волгу до устья Камы. Здесь, по его сведениям, расположен Селенос – поселение охотников и торговцев мехами. До этого пункта дорога хорошо знакома Геродоту, ведь она была исхожена и ольвийскими греками и скифами».

Дальше он проводит ее на восток, до северного Океана, где зима длится восемь месяцев, шесть из которых... люди беспробудно спят. Очевидно, «отец истории» что-то слышал о многомесечной полярной зиме. А так как для греков понятия ночи и сна были идентичными, то он и говорит о полугодовом «зимнем сне». Где-то в этих районах Геродот помещает золото, которое охраняют грифы, «причем и звери с удивительной алчностью берегут золото».

Современники Геродота и особенно последующие поколения историков с трудом принимали на веру его рассказы. И только знаменитый Александр фон Гумбольдт подтвердил, что в них скрывалось зерно истины. Так, например, повествование Геродота содержит первое упоминание о золотоносных россыпях в верхнем течении Енисея. А уже в наши дни советские археологи нашли близ Екатеринбурга понтийские серебряные

монеты, которые могли попасть в высокие северные широты лишь путем многократного обмена.

Описание Сибири Геродот начинает с истории о полубогородном древнегреческом поэте, жившем задолго до рождения самого автора. «Аристей, сын Каистробия из Проконнеса» был «родом из самых знатных граждан». Однажды он внезапно пропал из города и вернулся домой лишь спустя семь лет, рассказав всем вокруг, что совершил удивительное путешествие в страну исседонов, будучи «одержимым Фебом» (древнегреческим богом Аполлоном, покровителем искусств).

В своей поэме «Эпос об аримаспах» Аристей описал путь из Мраморного в Азовское море, дальше от реки Танаис (Дон) до «высоких, недоступных гор, которых еще никто не переходил». Там, на востоке, он встретил два удивительных народа: исседонов и иирков. Последних он описывал так: «Иирки промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним». Кроме того, путешественник подробно описал те места: «Зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер... Такие холода продолжаются сплошь восемь месяцев, да и

остальные четыре месяца не тепло. Вообще там погода совершенно отличная от других стран». Ведь «с неба падают перья, которыми наполнен воздух, и оттого людям нельзя ни видеть вдаль, ни пройти дальше».

Вполне возможно, что тайна иирков и исседонов, описанных Аристеем, открывается в другой древней книге – «Руководство по географии», написанной математиком, географом и астрономом Клавдием Птолемеем в 150 году нашей эры. В своем труде он, проанализировав все имевшиеся на тот момент сведения, с помощью системы координат определил местонахождение этих народов – за Рифейскими горами (Уралом), «откуда дует северный ветер». Соответственно, исседонов он «поселил» на территории современной Тюменской области, а иирков – на территории Западной Сибири. Нельзя сказать, что упоминаемое в более поздние времена племя ирkitов – это прямые потомки тех самых иирков; но и категорически это отрицать тоже, наверное, нельзя.

По мнению известных ученых Александра Гумбольдта, Петра Чихачева и Сергея Руденко, под аримаспами и грифами (гриппами) Геродот подразумевал население Рудного Алтая. Кроме того, Гумбольдт и Чихачев считали, что именно алтайские и уральские месторождения золотых руд были главными источниками снабжения золотом европейских скифов и греческих античных колоний.

Александр фон Гумбольдт, прославленный географ и путешественник, человек широчайше-

го кругозора, по праву считается основателем научного страноведения. В одно из своих путешествий он в 1829 году посетил Россию и совершил поездку на Урал, в Сибирь, Алтай, Джунгарию, буквально следуя древнему торговому пути из Восточной Европы в Азию.

В наши дни археологи всё чаще утверждают, что археологические артефакты, чуждые местным сибирским археологическим культурам, напротив, близки по духу и стилю Средиземноморью. Нетрудно предположить, что часть таких артефактов уже была обнаружена в Сибири, но осталась нераспознанной по своей принадлежности к Александру Македонскому. Например, на Катунь в 40-х годах рыбаками была «выловлена» бронзовая статуэтка Геракла античного времени размером 308x139 мм. На голову и плечи бородатого Геракла накинута шкура льва с головной маской. И точно в таком же шлеме изображен Александр Македонский на саркофаге из Сидона!

Об алтайской находке сообщил сотрудник Государственного Эрмитажа, академик Санкт-Петербургской Академии истории и культуры **Леонид Марсадолов**. Комментируя статьи Н. Новгородова о сибирском походе Александра, Леонид Сергеевич привёл в качестве примера эту бесценную находку, соглашаясь с доводом, что *категорически отрицать пребывание Александра на Алтае нельзя*. Кроме того, ещё раньше, по Марсадолову, на Алтае находили монеты разного времени, что свидетельствует об обширных связях Алтая с другими регионами в различные исторические периоды.

К югу от Барнаула, в устье

Чарыша, впадающего в Обь, на приречных песках по сообщению С. Маркова были обнаружены монеты 111-105 гг. до н.э., а также 324 г. н.э. (боспорская), VI и X веков. Можно предполагать, что в устье реки Чарыш долгое время стоял город. И, наверное, далеко не случайно на подходе к нему с юга, неподалеку от Джунгарских ворот, были найдены пантикапейские монеты I в., а южнее, в Западном Тянь-Шане, боспорские монеты IV в. до н.э. – из эпохи алтайских скифов.

Вообще же дальность путешествий древних, рассуждает Н. Новгородов, при ближайшем ознакомлении ошеломляет. На реке Камчатка, в ста километрах от устья, есть озеро Ушки. На каменной осыпи одного из мысов рыбак О.Орехов обнаружил четыре монеты. Две из Пантикапея (IV в. до н.э. и 17 г. н.э.) и 2 арабские (одна из Хорезма). Подобные находки принуждают более доверительно относиться к рассказу Салама о его путешествии к «стене Искендера».

В 1378 году Авраам Крескес изобразил на карте, получившей название Каталонской, «стену Гога и Магога». Она расположена на северо-востоке Азии возле «моря-океана». Здесь же размещал «преграду» яджуджа и маджуджа арабский писатель Абу-л-Фида (1321 г.) Еще ранее Владимир Мономах в своём «Поучении» высказывал уверенность в том, что Александр приходил в Югру. Чуть позже секретарь египетского султана Ал-Омари в XIV веке подтвердил слова Владимира: «Позади земель Югорских, которые на окраине Севера, уже нет

поселений, кроме большой башни, построенной Искендером» (то есть А. Македонским).

В окрестностях Томска рядом с алтарями на Басандайке в 1944–46 годах были найдены эллинские зеркала. Их сгоряча называли китайскими, потом признались, что ничего китайского в них не было, тогда придумали формулу: это де «китаизированные эллинистические зеркала». Но, как считает Н. Новгородов, если к ним заново присмотреться, можно будет доказать, что эти зеркала принадлежали грекам и македонцам.

Наибольшее количество археологических находок, связанных с Александром, были сделаны, как это ни странно, в устье реки Обь. На одной чаше изображено не что иное как сцена вознесения Александра Македонского на небо на крылатых грифонах. Чаша была найдена в 1982 году в поселке Лопхари Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО и считается «византийской». На же самом деле, обнаружение принадлежащих Александру археологических находок в устье Оби вовсе не случайность, если согласиться, что он здесь зимовал, основал город и много чего просто так разбросал.

В этой связи стоит ли удивляться тому, что рыбаки, закидывая невод в устье Оби, вместо золотой рыбки вылавливают временами... серебряные блюда. В 1938 году в верховьях Лозьвы В. Чернецовым была записана легенда о том, что среди рыбы, выловленной неводом на реке Обь, оказалось семь серебряных блюд, «и все одинаковые». Эти предметы позже оказались в хантыйских и мансийских культовых святилищах. Часть из них

была обнаружена археологами. К их числу относятся серебряное блюдо с реки Малая Обь, Верхне-Нильдинское серебряное блюдо и, возможно, Аниковское блюдо.

И, наконец, ещё один артефакт, сюжетно связанный с Александром, но нераспознанный специалистами, был случайно найден на реке Большая Пиковка в середине 1950-х годов. Изделие представляет собой медальон, сделанный из низкопробного серебра и хранится в Колпашевском краеведческом музее. Считается, что на медальоне изображен Парфянский царь, и изготовлен он на рубеже I века до н.э. и I века н.э. Но любопытно, что такой же точно медальон хранится в Государственном Эрмитаже (у Н.Новгородова такое впечатление, что это один и тот же медальон). Искусствоведам, конечно, виднее, Парфянский, или Македонский царь изображен на медальоне. Но Македонский доходил до Приобья, а Парфянский – нет.

На сегодня известны пять версий, по которым предпринимаются попытки объяснить стремление Александра к мировому господству. Самые простые объяснения: он вел завоевательные походы ради славы. В другом случае называется месть персам. Третья версия сводится к тому, что он стремился «достичь пределов мира». Весьма правдоподобна и 4-я версия, по которой Александр хотел «завоевать всё золото мира», и как раз Сибирь в этом смысле, конечно, же, привлекала богатейшего правителя того времени.

И всё же гораздо более сильной версией, по мнению Н. Новгородова, является пятая. Александр был

человеком высокообразованным для своего времени и при этом всегда стремился к знаниям. Плутарх сообщает, что Александр получил доступ к высшим знаниям в так называемых посвящениях (мистериях). Известно письмо Александра к Аристотелю, в котором он решительно осуждает учителя за разглашение тайных знаний. Пятая версия как раз и состоит в том, что Александр стремился к Истоку, в Прародину, на север Сибири за древними знаниями.

Вне сомнений, он был знаком с трудами античных авторов о Гиперборее, хотя бы потому, что его род по отцовской линии происходил от Геракла Гиперборейского. Греческие историки постоянно приводили те или иные сведения о Гиперборее в своих трудах. В них описывалась страна, расположенная далеко «за скифами», за высокими горами, протянувшимися с запада на восток и называвшимися Рипейскими или Рифейскими горами.

В этих горах обитал бог ледяного северного ветра Борей, а за Бореем на берегу Скифского океана жил счастливый народ гипербореи. В их стране не было ни холодных, ни знойных ветров, а земля давала по два-три урожая в год. В рощах и лесах было много плодов, коими и питались гипербореи, не употребляющие мяса.

Возможно, прав **В. Дёмин**, считающий, что война между богами и титанами проводилась с использованием супероружия, как об

этом повествует индоарийская «Махабхарата». В таком случае, Великий Воитель мог стремиться в Прародину не только за Знаниями, но и за Супероружием.

Согласно восточным легендам, до Александра по этому пути направлялись на север Сибири Семирамида и Кир.

Вместе с тем, рассудил Н. Новгородов, в мотивах поведения Александра самое любопытное состоит в том, что истинными могут оказаться все пять версий. Стремление к Знаниям могло сочетаться со стремлением завладеть Супероружием, для окончательного завоевания всех непокорных в мире. В то же время стремление к знаниям, даже если он ценил их выше завоеваний, как писал об этом Аристотель, всё же не могло увлечь его воинов. Простым македонянам, как и грекам, куда как милее было получить в результате завоевательных походов средства к безбедному существованию.

Поэтому для войска более доходчивым был тезис о походе за всем золотом мира. Увлечь усталых воинов в Индию можно было, лишь посулив им огромные запасы золота. Персия всегда получала золото с севера, из Индии, что предполагалась «за рекой Кампилин». Специалист по палеотопонимике **А. Малолетко** нашёл, что рекой Кампилин называлась сибирская река Иртыш. А это значит, что Александр так же, как и войска Дария, мог идти за сибирским (или алтайским) золотом через Иртыш.